

Военнопленный в сердце России

(из воспоминаний вестфальского офицера С. Рюппеля)

Первая публикация: // Отечественные войны 1812-1814 и 1914-1917 гг.: Память и уроки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 346-373.

Рюппель (Rüppel) Симон Эдуард (24.11.1792 - 27.12.1863), вестфальский офицер, мемуарист. Окончил военную школу, с 1810 года унтер-лейтенант 2-го вестфальского гусарского полка. В 1812 – во 2-й роте 1-го эскадрона этого полка, в 24-й бригаде лёгкой кавалерии 8-го армейского (вестфальского) корпуса. Ранен и взят в плен в бою у Валутиной горы (7/19.08) (в полку считался умершим в плену¹), отправлен в Оренбургскую губернию, где вскоре отметил свое 20-летие. Вернулся на родину в 1814; поступил на австрийскую службу в уланский полк и проделал поход во Францию в 1815. После выхода в отставку работал на почте во Франкфурте на Майне. В 1855 восстановил могилу полковника Е.И. Бедряги, погибшего в 1813, за что получил благодарность русского императора Александра II. Оставил воспоминания о начале русской кампании и о нахождении в плену, где очень доброжелательно отзывался о России.

Данная публикация представляет переведенную с немецкого языка часть мемуаров, посвященную пребыванию автора в Оренбургской губернии. (**Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russlands.** Berlin. 1912. S. 142-170). Слова, набранные *курсивом*, в оригинале приводятся по-французски. Русские слова оставлены латиницей. Выражаю благодарность к.и.н. С.В. Колычеву (Бузулук) за помощь в работе над комментариями.

Любопытно сравнить воспоминания Рюппеля с мемуарами военнопленного ганноверца К. Циммерманна, тогда же проживавшего в той же местности и общавшегося с теми же лицами (Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Erinnerungen aus dem Feldzuge nach Russland und aus der Gefangenschaft 1812-1814. Hannover. 1863; русская публикация отрывка: Из воспоминаний французского военнопленного К. Циммерманна о пребывании в плену в Оренбургской губернии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа. 2012. С. 363-372). Однако здесь надо иметь в виду, что Рюппель, как офицер и дворянин, находился в привилегированном положении, в отличие от простого солдата Циммерманна. Поэтому, учитывая социальное расслоение общества начала XIX в., не стоит удивляться тому приему, который был оказан молодому вестфальцу, пусть и представителю враждебного государства, в русской глубинке.

© 2014 Публикация, перевод С.Н. Хомченко, к.и.н. (Бородино)

© 2015 Web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!"
(<http://adjutant.ru>)

Оглавление

В Оренбурге. Отправление в Бузулук	3
Жизнь в Бузулуке.....	6
Отправление на родину	15

Примечание к веб-публикации: Оглавление приводится только в интернет-версии, в бумажном издании отдельные части выделены звездочками ***.

В Оренбурге. Отправление в Бузулук

Дойдя до Самары мы уже были в Оренбургской губернии, одной из самых больших и богатых губерний русской империи; но население здесь очень бедное и ничего не получает от этого богатства. Большинство населения составляют казаки, башкиры, армяне и русские. Основные товары, которыми здесь торгуют – лошади, овцы, мед и воск. Овцы здесь так называемой курдючной породы и вместо шерсти у них длинный волос. Шкуры этих животных издают ужасный запах, к которому с трудом можно привыкнуть. Наш путь проходил по большим пустошам и иногда выходило так, что между двумя стоянками мы не могли найти лучшего убежища, чем конюшня для почтовых лошадей. Дорога между Волгой и Оренбургом укреплена многими редутами, которые русские называют станицами (Stanizen). Такая станица состоит из дюжины домов, населенных казаками, обнесенных высоким земляным валом, и может выдержать в лучшем случае первую атаку. Огнестрельных орудий я не видел, но на входе и выходе такого форта стоят часовые. Эти станицы, такие как Алексеевская (Alexejewkaja), Мочинская (Motschinskaja), Йомовская (Jomowskaja)² и Борская (Borskaja), лежат в открытой местности верстах в 30³ друг от друга. Скуку в этом ужасно длинном путешествии невозможно описать, ведь день за днем наши глаза не видели ничего, кроме неба и снега, а вечером душной, закопченной крестьянской избы, которую с наступлением дня мы сразу покидали, торопясь к нашей цели. В местечке Черненищинская (Tschernernischinskaja)⁴ мы в последний раз переночевали перед Оренбургом, который русские описывали как «prekrasni, slawni gorod».

Пройдя еще некоторое время через лес, мы достигли благословенного Оренбурга⁵, который лежал перед нами, окруженный заснеженными крепостными стенами, из-за которых выглядывали только зеленые купола церквей, в бледном солнечном свете он смотрелся очень живописно. Перед тем как впустить нас в город, к нам прибыли высокий казацкий чин и адъютант губернатора князя Волконского. Оба отлично говорили по-французски и подошли почти ко всем саням⁶, чтобы поговорить с сидящими в них. Мы настойчиво просили у них, чтобы они нас не селили, как до этого, только у бедняков. Они обещали сделать все возможное и сдержали свое слово. На первом разводном мосту, перекинутом через приток Урала, мы вышли из саней и колонной, маршем двинулись через темные ворота в стене внутрь крепости. Впервые за долгое время мы снова видели военную оживленность: на нашем пути было много караульных будок, которые поддерживались оренбургскими линейными войсками (Linientruppen) в отличном состоянии и из-за отличного впечатления, производимого барьерами и караульными будками все это выглядело как часть какого-нибудь немецкого гарнизонного города.

Перед домом губернатора мы остановились в надежде, что он к нам выйдет, но из-за сильного мороза он только осмотрел нас из окна. Это был дружелюбный старичок, с длинной косой и припудренными волосами. Князь Волконский⁷, который при Екатерине Великой сыграл значительную роль, одевался по моде еще тех времен и имел еще много странностей, носивших на себе, однако, печать добродушия. В этой выделившейся губернии, которая раньше называлась Уфимской⁸, он обладал абсолютной властью, которой, впрочем, никогда не злоупотреблял.

Нас поселили в достаточно приличной казарме, где в то же время располагались инвалиды⁹. Благодаря попечению коменданта нас снабдили

войлоком, теплыми покрывалами, а также горячей едой, которая состояла из столь любимого здесь капустного супа, жареной рыбы и гречневой каши. Нас часто посещали офицеры, которые показали себя вполне приятными людьми. Ко мне проявил особый интерес один молодой артиллерийский офицер, большой почитатель Наполеона. Его звали Раймунд Адамович (Raimund Adamowitsch), фамилию я забыл. Мне пришлось вместе с ним отправиться на его маленькую квартиру, где он угощал меня вкусным чаем, французской водкой и хорошей выпечкой, которой было съедено достаточно много; кроме того мы выкурили несколько трубок турецкого табака. Быстро пролетали часы, мне многое нужно было рассказать моему юному другу, а он жаловался мне на, как он выразился, жестокую судьбу, которая забросила его сюда после артиллерийского училища, в то время как его товарищи служили в армии Кутузова. Мы расстались поздно, и Раймунд проводил меня до казармы, где славный комендант как раз потчевал моих товарищей по несчастью.

На следующее утро мой друг снова зашел за мной. Мы вместе позавтракали и после этого он водил меня по городу, показал мне казармы артиллеристов, арсенал, несколько церквей, а также гауптвахту, известную тем, что однажды здесь сидел на своем пути к Камчатке знаменитый граф Бенёвский (Benjowski)¹⁰. Его имя вырезано здесь рядом с печью и, чтобы его не испортили, над ним прикреплена решетка.

Мой друг провел меня и на бастион, откуда открывался прекрасный вид. Но пейзаж в белом зимнем наряде не слишком радовал глаз. В местности за Волгой, которую мы прошли, до самого горизонта раскинулись необъятные сосновые леса, густая чернота которых резко контрастировала с заснеженными полями. Если взглянуть в сторону Урала, то на той стороне реки можно было увидеть начинавшиеся там Киргизские степи, знаменитые своими солеными озерами.

Приятное знакомство с этим молодым человеком совершенно меня осчастливило, и мне вообще представлялось очень приятным, что такой крупный и живой город стал пунктом нашего назначения. Это место обещало еще некоторые преимущества с наступлением теплого времени года. Особенно много развлечений могло доставить нам торговое сообщение города с Китаем и Бухарой, из которых приходили целые караваны. Местное дворянство также оказывало нам множество любезностей.

Однако в книге судеб для нас была записана другая участь. Произошло это по высочайшему распоряжению или по прямому приказу князя Волконского, но одним прекрасным утром мы получили приказ двигаться в уездный город Бузулук (Busuluk) на [реке] Самаре, чтобы расселиться по окрестным деревням. Этот приказ задел нас за живое, но мы должны были подчиниться, и уже на следующее утро 60-70 саней вывозили нас с территории укрепленного Оренбурга. Мы сердечно распрощались с моим другом Раймундом, он обещал писать мне, но я больше о нем ничего не слышал, хотя все равно с благодарностью его вспоминаю.

Много дней длилась наша поездка в обратном направлении, так что мы снова приблизились к родине примерно на 350 верст¹¹. Наш сопровождающий офицер был лейтенантом оренбургских гарнизонных войск, доброй души человек. Оригинально смотрелось, когда в исключительно морозный день он сидел в санях, распахнув меха, и легко щелкал зубами орехи, употребление которых, похоже, стало для него потребностью, как для других курение табака. У одной из казацких станиц мы свернули с большой дороги и через два дня прибыли в уездный город Бузулук. Провинциальный городок, насчитывающий около 4000 жителей, лежит в равнине на правом берегу Самары. Городничий (Gorodnitschi) Василий Васильевич (Wassili

Wassiliewitsch)¹², в прошлом офицер, встретил нас на базарной площади и, поскольку был уже вечер, пригласил нас к себе домой, где нас ждали чай и пунш. Команду, которая на следующий день должна была быть распределена по деревням, сразу послали на квартиры. Наш хозяин был очень разговорчивый человек, такой яркий наполеонист, каких можно найти только во французской армии. В своем пыле он заходил так далеко, что утверждал, что армейские сводки все врут и ввязался в спор с нашим сопровождающим офицером, тем, что шелкал орехи, и у которого при упоминании любой победы не сходило с уст слово «naschi». Поздно ночью за нами зашел stari soldat и повел нас с лейтенантами Пулевски (Pulewski)¹³ и Шнупхазе (Schnuphase)¹⁴ по достаточно захолустной улице к маленькой крестьянской халупе, правда достаточно вместительной внутри, где мы и расположились.

Эта избушка, как и другие дома, не запиралась на замок. Помещение было очень маленьким, так как большую часть места занимала печь. Она была, к счастью, еще теплой. С помощью лучины мы осмотрелись и выбрали для сна лавку у стены, а Шнупхазе, у которого поднимался жар, залез на печь, чтобы хорошо пропотеть. Хотя ложе наше было очень узким, мы скоро заснули; но к утру похолодало и ветер продувал заткнутые мхом стены, так что даже с помощью нашего обычного маневра – сняв шубу, накрыться ей, засунув ноги в рукава, – мы не смогли согреться. Мы стучали зубами и с трудом смогли дождаться утра. Тогда мы впервые прочувствовали, какая печальная участь нас ожидает, ведь мы были не в лучшем положении, чем любой сосланный сюда арестант, осужденный на каторжные работы! Наша домашняя утварь состояла из нескольких железных горшков, пары деревянных тарелок, ведра и топора.

Так как мы остались втроем, после короткого совещания было решено, что Пулевски возьмет на себя кухню и закупки, Шнупхазе поддержание огня, уборку в комнате и подобные домашние работы, я же должен был ежедневно колоть доставляемые нам дрова и таскать воду. Это была непростая работа для меня, ведь при таких ужасных морозах нам требовалось много дров, а когда замерзал ручей, воду нужно было таскать из [реки] Самары, которая была от нашего дома достаточно далеко. Несмотря на это, через пару дней наше маленькое хозяйство стало *систематическим*, а различные домашние работы, такие как перебирание гороха, чистка репы, оттирание горшков, требовали столько времени, что мы не могли жаловаться на скуку. Пулевски, хорошо владевший русским, был отличным *домохозяином*, не уступал лучшим фурьерам и вполне прилично нас кормил. В этом искусстве также отличались его польские друзья, Шрази (Szrasi)¹⁵ и Гулаш (Gulasch)¹⁶. Другие наши товарищи, французы, итальянцы, португальцы, поляки и иллирийцы, также создали общие хозяйства. Но часть из них имела рядом солдат, которые могли протянуть руку помощи. Из заболевших уже около Москвы офицеров Бондино (Bondinot)¹⁷ и Дюплесси (Duplessis)¹⁸, последний умер от нервной лихорадки, но первому стало значительно лучше. Умерший был отличным офицером и рыцарем почетного легиона.

Жизнь в Бузулуке

Хотя в городке Бузулук жило много дворян, кроме городничего мы никого не посещали. Сен-Дени (Saint-Denis)¹⁹ повезло, его хорошо принял господин Венский (v. Wenski)²⁰, сосланный сюда при Екатерине Великой гвардейский офицер. Малтар (Malthard)²¹ также хорошо устроился с фройлян Попалутовой (Popalutowa), дочерью погибшего в войне с черкесами полковника Попалутова, добродушной дамой. Только ей наш товарищ обязан своим выздоровлением от нервной лихорадки²². Я часто думал: если бы и мне повезло с таким знакомством! И вдруг небо предоставило мне такую возможность, когда я ее совсем не ждал.

Был воскресный день, когда мы как раз собирались приступить к нашему скромному обеду, как вдруг перед нашей избушкой остановились сани, запряженные тройкой вороных и покрытые прекрасным медвежьим пледом. Вскоре из них вышли два господина и молодая дама и вошли в нашу маленькую комнату. В то время как оба господина, у одного из которых вместо одной ноги был железный протез, разговаривали по-русски с Пулевски, молодая дама подошла ко мне и заверила меня на прекрасном французском, что она и ее родители сильно прониклись состраданием к нам и с удовольствием воспользуются любыми возможностями, чтобы облегчить наше печальное положение. Это был для меня луч надежды, и когда во время посещения я услышал: «Мы надеемся, что все вы в скором времени побываете у нас в Покровском (Pokrowskoje)», я определенно укрепился в мысли, что наше положение должно существенно улучшиться: момент был самый подходящий. Так как по моим расчетам мне и дальше предстояло выполнять обязанности дворника и служанки – это было ужасно; в нашем маленьком хозяйстве никто не мог меня заменить, так как Шнупхазе не мог еще выходить на холодный воздух.

На пятый день после этого визита, пришел слуга господина Племянникова (v. Plemjänikoff)²³ – так звали дворянина, который так нами заинтересовался, – чтобы меня и Пулевски вместе с другими офицерами пригласить на многодневное посещение его поместья. Городничий не ставил нам препон, и через час мы уже быстро ехали в нескольких элегантных санях через [реку] Самару в находящееся в 15 верстах загородное поместье Покровское²⁴. Через несколько часов мы остановились у очень изящной одноэтажной постройки и множество слуг бросились к нам, чтобы помочь выбраться из саней. Мы прошли коридором, украшенным растениями, в салон, где господин Племянников и его многочисленная семья, а также другие родственники, живущие здесь же – брат, сестра и зять, нас очень радушно приняли. Присутствовали четыре дочери и один из сыновей. Два остальных были в Архангельске при 30-м Егерском полку (30. Jaeger-Regiment). Присутствие француза-учителя, который был в хороших отношениях с семьей, заставило многих родственников Племянникова привести сюда своих дочерей, так что присутствующие здесь восемь молодых русских девушек были не только симпатичными, но и в высшей степени любезными. Все были очень жизнерадостными, свободно говорили по-французски и могли хорошо поддержать разговор, что придавало им особое очарование. Две из них были дочерьми отставного полевого врача фон Штобойса (v. Stobäus) из Бузулука²⁵, а три других – дочери живущего в 25 верстах от Покровского помещика Жданова.

На протяжении дня прибыло еще несколько гостей из окрестностей, среди них четыре офицера в своей зеленой форме, которые с воодушевлением говорили о

новых победах над французами, что немало способствовало ухудшению нашего настроения. Великодушный господин Племянников заметил это и сказал: «Ни слова больше о политике!» Около двух часов нас пригласили за богато накрытый стол, который, на мой взгляд, составил бы честь лучшему ресторану, так выделялся он прекрасным выбором блюд и утонченными запахами. Так называемая ботвинья (Botwinia)²⁶ была славным блюдом, а кроме нее преотличная стерлядь – лучшая рыба в России, а также выпечка всякого рода. Из напитков по русскому обычаю перед обедом мы пили сладкие и горькие ликеры, а за столом кроме кваса и пива также в избытке известного под названием *semlijänski wino* донского шампанского. Это вино, которое делают донские казаки, бледно-красного цвета, пенится как шампанское и очень приятно на вкус, поэтому и местные, и приезжие на него налегали. Мои товарищи и я, соблазнившись всеми этими прекрасными качествами, также отдали ему должное, и так вышло, что из-за стола мы встали охмелевшие и с трудом смогли с подобающим уважением довести наших дам до салона, где нам были предложены черный кофе и изысканнейшие конфитюры из Киева. Так как в большинстве российских областей плодовых деревьев выращивают очень мало, то богатые люди вместо этого используют дикие фрукты, например, маленькие лесные яблоки, кислые вишни, терновые ягоды, шиповник, бруснику и розовые бутоны. Из всего этого в Киеве делается конфитюр, причем так искусно, что поставляется не только по всей России, но и в Китай, Бухару и Турцию, где в гаремах потребляется в невероятных количествах. Белый липовый мед из Польши и Украины является главным ингредиентом при изготовлении этого знаменитого конфитюра.

Пока мы общались в салоне, наступил вечер. Лакеи принесли большие жирандоли с восковыми свечами и скоро нас окружил их мягкий свет. Старшие дамы и господа направились к игровому столу, а мы с девушками двинулись в большой зал, где под флейту и две скрипки, на которых играли крепостные, изрядно потанцевали. Но так как мы, как уже было сказано, были под хмельком, нам пришлось собраться с силами, чтобы не перекувыркнуться на натертом до блеска паркете в нашей довольно-таки неуклюжей обуви. В одной из пауз мсье Арнфо (Arnefaud)²⁷, достаточно пожилой офицер из 21-го линейного полка, танцевал англез. Мне он, правда, показался больше похож на матросский танец, которому он мог обучиться в своем тамошнем плену, на понтонах: он так сильно топал по полу, что из-под его крепко подбитых гвоздями сапог вылетали целые плитки прекрасного паркета. Мы, молодые дамы и несколько стоящих вокруг слуг больше не могли сдерживаться и разразились смехом, когда длинный неуклюжий танцор важно посмотрел на нас, проверяя, достаточно ли мы восхищены его искусством. После него Пулевски, самый горячий поляк, которого я только видел, танцевал мазурку с прекрасной Александрой ф. Штобойс, причем с такой грацией и виртуозностью, что играющих позвали из салона, чтобы они тоже насладились танцем. Те тоже были так поражены, что все время кричали «*slawna! prekrasnoi! prekrasnoi!*».

После чая снова танцевали, и только в пол-второго все разошлись. Нас провели в нашу комнату, где мы нашли ложе на разостланном на полу войлоке, как это принято в той части России. Было уже около девяти утра, когда мы поднялись ото сна и проследовали за слугой в русскую баню, где все устроено с большим удобством, откуда вышли очень освежившимися. В салоне нас ожидал отличный кофе с выпечкой, турецкий табак и длинные трубки. Затем был плотный завтрак в семейном кругу, а оставшаяся часть дня прошла так же, как и предыдущий, в веселье и развлечениях. Василий Иванович (Wassili Iwanowitsch) – так звали хозяина дома, – позвал меня в свою комнату и в присутствии своей супруги Елизаветы Гавриловны (Elisabetha Gawrilowna) сообщил о своем намерении дать мне приют в

своим доме и поэтому спросил меня, смог бы я расстаться с моими друзьями. Я был так ошарашен этим предложением, которое было сделано от чистого сердца, радость и умиление так бурлили во мне, что я еле смог найти слова благодарности. Я мог бы задрать нос, ведь был удостоен такой чести, но понимал, что я был обязан этому своей молодости, тогда как другие мои товарищи, кроме Пулевски, были на 10 и более лет старше меня. Кроме того, товарищи искренне радовались моему счастью, и когда они попрощались со мной, чтобы вернуться в Бузулук, к монотонному быту, я долго смотрел им вслед с болью в душе.

Теперь, в лоне этой семьи начался новый отрезок моей жизни: из бедной избушки я оказался во дворце, там только нужда – здесь всего в избытке. Благодаря неисчислимым знакам внимания со стороны всей семьи меня так избаловали, что ежедневно у меня только прибавлялись причины, чтобы благословлять судьбу: мне выделили приветливую красивую комнату со всеми удобствами, я получал достаточно белья и одежды, у меня был в услужении Maltshik.

Произвел ли на мое здоровье такое действие быстрый переход от бедной жизни к роскоши или это было последствием перенесенных ужасных лишений, но вскоре я вдруг плохо себя почувствовал. Несколько дней я еще сопротивлялся болезни, но затем меня охватила такая лихорадка, что я слег. С утра до вечера меня бил озноб, а потом начался и жар. Полное отсутствие аппетита и жгучая жажда за несколько дней так меня истощили, что я едва избежал смерти. Искусный доктор Штобойс через день приезжал из Бузулука, он прописал мне лучшую хину и горькие эссенции, но мое состояние совсем не улучшилось, и приступы происходили с той же частотой, что и в первые дни. Фрау Племянникова была сама не своя, она опасалась, что я не выживу. Весь день она сидела у моего ложа и, хотя и говорила только по-русски, пыталась меня развлекать и одновременно обучать языку. Обычно у ее ног сидели два киргизских ребенка около пяти лет, мальчик и девочка, которые были выкуплены в степи. Они постоянно были заняты связыванием шелкового шнура, в остальном их можно было увидеть в любом углу. Молодые дамы также ежедневно посещали меня, но чаще всех мадам Батаиль (Bataille), супруга французского учителя, также француженка, но родившаяся в Москве. Она была ярая наполеонистка, и пыталась развеселить меня хорошими новостями из армии. Но их она могла получить только из Московской Газеты, крайне антифранцузские сообщения которой она всегда называла лживыми. Симпатичная женщина была здесь не на своем месте: она была очень жизнерадостной, смышленной, неплохо рассуждала об армии, из-за чего часто ставила посещающих дом русских офицеров в неловкое положение.

При таком заботливом уходе через несколько недель я снова стал на ноги. Моя лихорадка перешла в трехдневную, но еще больше меня трясло, когда наступал пароксизм. Я стал так слаб, что начались обмороки, и я начал терять силу духа. Мое малодушие в конце концов приняло форму меланхолии, и хотя все пытались меня развеселить, мое самочувствие ни с какой стороны не улучшилось. Фрау Племянникова, которая любила меня как собственного сына, была этим очень озабочена и распорядилась для моего развлечения привезти в Покровское еще пару моих друзей из Бузулука. Туда отправили сани с поручением привезти капитана Бресонке (Bresonquet)²⁸ и лейтенанта Пулевски. Они прибыли тем же вечером, и как же я был рад снова увидеть двух любимых товарищей. Из источников, заслуживающих доверия, они узнали, что наша армия была полностью уничтожена при переходе через Березину и только жалкие остатки ее достигли Польши и Пруссии. Мы не сомневались, что эта прекрасная армия потерпела поражение только вследствие климатических условий; все же император еще был жив, так же

как и большинство его великих генералов, и у нас еще были серьезные шансы, на которые можно было рассчитывать.

Пулевски поселили у сестры господина Племянникова, Бресонке оставался при мне. Это был любезный молодой человек, и хотя мы познакомились только в плену, но из-за того, что как капитан 21-го линейного полка он долго был в Брауншвейге, а я там был достаточно известен, разговор часто шел об этом месте, и я удивлялся, сколь много любовных интриг офицеров этого полка вовлекли в себя даже самых уважаемых дам Брауншвейга. Особенно выделялся там незабвенный капитан Констан (Constant)²⁹, который своей выдающейся индивидуальностью и рыцарским обхождением так покорила всех дам, что они его просто преследовали. Храбрый Констан пал под Смоленском; выстрел в рот закончил его жизнь, также был сражен и неустранимый генерал Гюден (Gudin)³⁰.

Погода день за днем начала смягчаться, и иногда приветливый луч мартовского солнца стал заглядывать ко мне сквозь замерзшие стекла; хотя я чувствовал себя еще очень слабым, во мне снова проснулось неопределимое стремление снова вернуться к активному образу жизни и снова быть вместе с моим полком. Как только это начала позволять погода, я попросил у Василия Ивановича разрешить мне каждый день прогулки верхом, которые, как я рассчитывал, должны были придать мне сил. Через крестьян пришло известие о том, что в ближайшем лесу объявился медведь, что в тех краях происходит очень редко. Я совсем не любитель охоты, но все-таки надеялся посмотреть на зверя. Я решил проехать туда. Двое верховых с охотничьими ружьями привели мне симпатичного коричневого жеребца, который был правда оседлан и взнуздан по-казацки. Я забрался в седло, но только уселся, как лошадь начала брыкаться и вставать на дыбы, так что лопнула подпруга, а я, еще очень слабый, перелетел через голову и остался лежать, словно мертвый. Так как это произошло перед домом, под окнами, можно представить ужас, в который это всех повергло. Меня внесли в дом, и когда я пришел в себя, то почувствовал пульсирующую боль в голове и всех членах. Снова я был ограничен пределами моей комнаты, и хотя позже и предпринимались прогулки, но заботливая фрау Племянникова больше никогда не позволяла мне садиться на лошадь.

С улучшением погоды участились и визиты в Покровское: среди гостей были дворяне, которые часто проезжали сотни верст, только чтобы провести здесь несколько дней. Мне представилась возможность познакомиться с обоими братьями Карамзиными, один из которых был знаменитый поэт, известный в России, как у нас Шиллер³¹. Однажды в гости приехал один русский полковник, большой чудак. Он утверждал, что видел меня раньше и что я из местности около Белостока, где якобы в деревне живет мой отец, крупный торговец лошадьми. Сначала это меня даже занимало, но Пулевски обратил мое внимание на то, что дело может принять серьезный оборот, ведь если это правда, то я, русский подданный, воевал против собственной страны. Я приложил все усилия, чтобы убедить *слабоумного* в обратном, но это мне удалось только с помощью всей семьи.

Так как для лечения моей лихорадки врач предложил мне смену климата, я с помещиком (Baron) Ждановым (Ghdanoff)³², который посещал свою дочь, отправился на четырнадцать дней в его поместье, около уездного города Бугульмы (Bugulma). Это было где-то в 80 верстах³³, путь шел через лес и степи, и везде внезапно исчезнувший снег уступил место пышной зелени. Во время поездки я не видел ни одного села, зато такое множество лошадей, какого до сих пор не наблюдал нигде. Часто к нашей кибитке (Kibitke), ведомый любопытством, приближался табун в несколько сотен голов, затем лошади настораживались и, развернувшись, со скоростью ветра уносились. Выглядело это удивительно красиво: маленькие

быстрые кони с развевающимися гривами разных цветов, их возбужденные морды и горящие глаза я никогда не забуду.

Поместье Жданова было очень красивым, но лежало уединенно в глубине лиственного леса, который хотя еще и не покрылся зеленым одеянием, но наводил на мысль, что летом поместье будет производить жутковатое впечатление, так оно терялось в его необозримых просторах. Господин Жданов был вдовец, но еще очень жизнерадостный человек, его желание развеселить меня было несомненно, и, так как его сестра буквально оторвала меня от сердца, он следил за моим состоянием с настоящей щепетильностью. Днем я с охотничьим ружьем ходил на лесной пруд, который обычно был покрыт беззаботно жившими тут дикими лебедями. Пробравшись через чащобу, я стрелял в самую гущу и несколько лебедей всегда оставалось на земле, но я никогда не мог их достать, так как почва была слишком топкой, чтобы туда пройти. Мы также нередко предпринимали верховые прогулки. Во время завтрака мой гостеприимный хозяин звал нескольких слуг, которые должны были петь. Он, похоже, был в восторге от этих народных песен, я же чуть живот не надорвал со смеху, так эти ребята отвратительно бурчали, грозно вращая глазами, и совершенствовали свои повторяющиеся трели тем, что кулаком ударяли себя по нижней челюсти.

Вечером, после чая, песнями и танцами нас развлекала женская часть слуг. У господина Жданова в доме было девять служанок. Четыре из них были действительно красивы, настоящие одалиски. В то время, как две старших играли на балалайке, остальные заводили вокруг этой пары свой танец, в котором эти дети природы выказывали недюжинную грацию. Их обычно очень спокойные физиономии становились оживленнее, глаза разгорались, а их формы в красочных национальных костюмах приводили зрителя в особенное настроение. Меня это заставило задуматься, и не покидала мысль, почему же господин Жданов так счастлив.

Смена места мне очень пошла на пользу, но все же, при малейшем отступлении от диеты, у меня случались приступы лихорадки. Наступила весна с ее все оживляющей атмосферой. Освежающий лесной воздух и аромат всходящих лесных трав также оказывали свое воздействие. Уже почти настал момент возвращения в Покровское и я чувствовал, что для меня лучше будет с этим не тянуть. Во-первых, меня здесь так избаловали, что я часто думал, что будет со мной во время возвращения на Родину. Во-вторых, меня пленила одна из служанок, Вера (Вега). По обычаю они, уходя, целовали руку, мне ею этот знак почтения тоже оказывался (а я в это время с большим удовольствием заключил бы ее в объятия), это дало мне возможность показать Вере мое расположение: по взглядам и пожатию руки я почувствовал, что она отвечает на мои чувства. Так что мое пылающее сердце в день отъезда было несчастнейшим на свете. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить свои чувства в тайне от доброго помещика Жданова и от зорких глаз его «Natchalnik»а Ивана. Я взял с собой локон темно-русых волос прекрасной Веры и пуговицу от ее рубашки; с этими вещами я никогда не расставался, пока вместе с остальной мелочевкой их не украли из моей уланской сумки.

Мы отправились в путь в прекрасной кибитке, запряженной тремя жеребцами в яблоках, перед этим все крепостные почтительно окружили повозку, чтобы попрощаться с нами. Они, похоже, любили господина Жданова, но не его «Natchalnik»а, который не расставался со своей нагайкой. Опять дорога шла по лесам и степям. Около Бугульмы я услышал турецкий барабан, а вдалеке заметил и блеск оружия. Это подстегнуло мое любопытство, и я был чрезвычайно обрадован, когда, вывернув из леса, мы оказались на большом лугу, в центре которого проходил

парад трех крупных батальонов пехоты. С момента пленения я не видел ни одного *линейного* русского полка, но мне стало интересно вдвойне, когда я узнал, что это – Ширванский (Schirwansche) пехотный полк, который полгода назад вышел из восточной Сибири, за Иркутском,³⁴ чтобы присоединиться к армии. Солдаты были сплошь широкоплечие и маленькие, с почти черными калмыцкими физиономиями. Так как было очень жарко, видно было, что тяжелая нагрузка и тесная парадная форма очень их затрудняют, и во время эволюций, которые проводил генерал, многие были вынуждены покинуть строй. Все-таки бедняги стояли здесь уже несколько часов, и кто знает, откуда они сюда пришли. Все было очень аккуратно, под настоящую военную музыку. Господин Жданов также был восхищен, клялся, что нет ничего лучше знаменитой русской пехоты, и в этом я был с ним совершенно согласен. В то же время это зрелище снова пробудило во мне необоримое желание попасть в свой полк, но это были только грустные помыслы!

Милые Племянниковы выехали встречать нас в трех кибитках, и тогдашняя встреча запомнилась мне как один из самых радостных моментов, какие я пережил в кругу этой семьи. Я должен был сесть с фрау Племянниковой: она похвалила мой улучшившийся вид, которым, как она считала, я был всецело обязан послушному следованию диете. Брезонке тоже был весел, и мне показалось, что старшая дочь хозяина дома была к нему равнодушна, хотя он уже ухаживал за мадам Батайль. Вокруг Покровского все тоже буйно зеленело, и я вздохнул свободнее, теперь не запертый весь день в четырех стенах. Обычно когда у девушек был урок, мы с капитаном Брезонке заходили за Пулевски, а потом вместе направлялись к инженер-географу Бондино, которого взял к себе брат господина Племянникова. Этот Бондино, большой ловкач, проводил время за изготовлением огромного глобуса из размоченного в воде картона.

От Пулевски мы узнали об ужасной участи остатков нашей доблестной армии на берегах Березины; эта новость произвела на нас потрясающее впечатление, хотя еще сообщения о начале отступления через разоренные местности в такую зиму не сулили ничего хорошего. Русская армия тоже должна была понести чудовищные потери, так как с начала кампании проводился уже третий рекрутский набор и дворяне должны были за каждого не предоставленного ими рекрута платить 1000 рублей серебром.

Примерно в это время вышел указ оренбургского губернатора, по которому всех находящихся в его губернии пленных поляков следовало собрать и немедленно доставить в Оренбург, откуда они должны были быть направлены на кавказскую линию, где найти применение по службе.³⁵ К сожалению, этот указ затронул наших любимых товарищей Пулевски, Шолтерски (Scholterski)³⁶, Хубе (Hube)³⁷ и Щептицки (Sczeptitzki)³⁸, также как и 21 солдата³⁹, с которыми мы вынуждены были расстаться. Увидели ли они снова любимую родину, я не знаю!

В это же время большинству пленных было предложено записаться на колонизацию одной из азиатских губерний.⁴⁰ Только это предложение не нашло отклика: из бузулукских пленных вызвался только один пруссак-гусар. Он получил 30 рублей серебром, бесплатный проезд до места, а там дом, пятьдесят десятин (Dessatinen)⁴¹ земли, двух лошадей, корову и свинью. Жена ему тоже должна была быть предоставлена.

У моего покровителя Василия Ивановича во многих сотнях верст отсюда, в районе Уральска, на той стороне [реки] Урала, было поместье. Каждую весну он туда ездил, и так как сейчас он тоже туда собирался, я попросил взять меня с собой, что было ему очень приятно. Одним прекрасным утром мы выехали из Покровского в большой удобной кибитке, запряженной тремя лошадьми, с кучером и слугой. Так

как все сумки и свободное пространство в кибитке были забиты продуктами, я сразу решил, что мы долго будем проезжать по глухим местам или бедным районам, что и подтвердилось. Немногие башкирские и казацкие деревни были совсем оставлены их обитателями, в это время они занимались в степи скотоводством и охотой.

Хотя мы ехали очень быстро, только через пять дней мы добрались до городка Уральска, после которого все время ночевали в кибитке, которую для этой цели останавливали и закрывали. Уральск вызвал у меня большой интерес тем, что в 1773 году ужасный Пугачев (Pugatscheff) впервые поднял здесь знамя восстания.⁴² Всего лишь простой казак, но одаренный значительными талантами, с помощью мужества и решимости он смог стать очень значительной персоной, а из маленькой кучки мятежников создать многотысячную армию, захватить Оренбургскую, Астраханскую, Саратовскую и Симбирскую губернии, и разрушить огнем и мечом места, где ему не подчинялись. Посланные против него генералы Суворов и Михельсон выдержали несколько кровавых битв с этой беспорядочной, но фанатичной толпой, которая в конце концов была рассеяна. Их вождь, который был заманен несколькими казаками в Уральск под тем предлогом, чтобы еще раз там поговорить с товарищами, а потом вместе бежать в Ногайские степи,⁴³ был там ими схвачен и связанным передан русскому военачальнику. Суворов приказал посадить Пугачева вместе с 12-летним сыном в железную клетку и так через Саратов, Симбирск и Казань отправить в Москву, где за мятеж его ждала казнь. Городок, который тогда, так же как и река, назывался Яик, с того времени носит имя Уральск, чтобы истребить всякое воспоминание о казацком бунте.

Уральск окружен стенами, в нем маленький гарнизон казаков, правда даже и не заслуживающий упоминания. Через Урал мы переправились на пароме и еще через 15 верст прибыли в Степное, одно из самых больших сел в Киргизских степях. Местность сразу после переправы через реку приняла совершенно другой вид: красивые ароматные степные травы часто уступали место огромным пространствам песка, которые иногда тянулись часами. Мелкий желтый песок засыпал любой след колеса или лошадиного копыта, так что я удивлялся, как мы не потеряли дороги.

В Степном у господина Племянникова жило около 300 крестьян, которые занимались коневодством, овцеводством и пчеловодством, а также ткачеством. По-видимому, жили они в благополучии, и я думаю, что их оброк вносил довольно большой вклад в довольство их хозяина, так как тамошний начальник много дней подряд приносил Василию Ивановичу значительные суммы, частью в банкнотах, частью монетой. Дом там был устроен очень просто. Деревянные стены комнат были гладко обтесаны, а швы, соединяющие бревна, были заткнуты мхом. Жара была очень сильной, и мы были не в состоянии хоть миг спокойно проспать на наших ложах без газовой занавески, так раздражали нас укусы огромного количества длинноногих комаров и их зудение. Днем мы меньше от них страдали, но все равно каждый укус оставлял волдырь.

Обстановка мне показалась несколько однообразной, хотя я развлекался охотой и рыболовством. Добрый Василий Иванович увидел, что я скучаю, и поэтому вызвал дворянина, живущего в глуши за много верст, чтобы тот составил мне компанию. Я никогда не забуду того особенного впечатления, которое он тогда на меня произвел. Сидор Алексеич Граченко (Sider Alexeitsch Gratschenko), 36 лет, около шести футов ростом, был лейтенантом в Ширванском гренадерском полку⁴⁴, после турецкого похода 1810 года вышел в отставку и в большой бедности жил в своем маленьком имении, где три крестьянские семьи составляли все его богатство. Коротко остриженные волосы, смуглое лицо, очень маленькие глазки, плоский нос и большие оттопыренные уши, а также кафтан в белую и синюю полоску, который

плотно облегал сухощавое туловище – все это делало его похожим на коренного калмыка. Он был так польщен этим предложением, что все время целовал руку Василию Ивановичу и с напряженным вниманием слушал все, что ему сообщали. Со мной он был так исключительно дружелюбен, что я его по-настоящему полюбил и он стал мне необходим. Шли ли мы гулять и я выказывал какое-нибудь желание, как Сидор Алексеич сразу бросался его выполнять: так, с середины глубокого озера он достал мне красивый водяной цветок, а в другой раз с вершины огромной ольхи – целое гнездо воронят. Когда мы играли в дурака (Dugak), он всегда ухитрялся так подстроиться, что я побеждал и свернутым носовым платком отсчитывал ему по большим рукам изрядное количество ударов. А когда мы охотились в высоких степных травах на редких бабочек, я не мог удержаться от смеха, видя как этот крупный человек носится со мной. Мы наверное были похожи на няню с ребенком.

От моего долговязого друга я узнал, что где-то в тринадцати верстах от нас находится киргизский табор со скотом. Это так разожгло мое любопытство, что я попросил господина Племянникова разрешить нам с Сидором отправиться туда. Господин Племянников с удовольствием удовлетворил мою просьбу, но объявил, что не отпустит нас одних, а сам примет участие в поездке. Уже на следующее утро кибитка с запасом продуктов, особенно чая и водки, стояла у дверей. Мы заняли свои места и пока путь шел по степи, в которой нельзя было различить и следа дороги, Сидор служил нам проводником. И он направлял нас так умело, что еще до обеда мы прибыли в окрестности большого соленого озера, на дальнем конце которого мы различили дюжину стоящих полукругом юрт и рядом с ними – стада скота. Подъехав поближе, мы остановились, вылезли из кибитки сами и помогли Василию Ивановичу. Каждый взял с собой бутылку водки, и так мы отправились к кочующему племени киргизов. Вокруг большого костра широким полукругом, скрестив ноги, сидело около 60 мужчин и женщин. Над костром висел огромный котел. Вся компания не обратила ни малейшего внимания на наше появление: две большие железные ложки на длинных ручках двигались по кругу слева направо, и каждый раз наполнялись из котла, над которым поднимался пар. Это было не что иное, как растопленное лошадиное сало. В это время несколько пожилых киргизов встали со своих мест и подошли к господину Племянникову. Пока они сидели, то казались мне высокими, теперь же, когда к их очень длинным туловищам прибавились короткие ноги, они стали коротышками. Из-под находящейся на макушке ермолки (Kalotte) у них свисала очень длинная коса, которая у женщин доставала до бедер. Наш подарок, водка, похоже, их очень обрадовал. Мы получили в ответ извлеченный из занавешенной войлоком хижины кожаный бурдюк с кобыльим молоком, которое является их основным напитком и называется кумыс (Kumys). Он пенится как шампанское, и имеет, особенно при добавлении сахара, приятный освежающий вкус. Рыба, конина, кукуруза и крупы составляют основу питания этих степных жителей. Недавно в России у киргизов и других кочевых народов, таких как калмыки, башкиры и т.д., ввели совершенно военную организацию, и прилежные инструкторы неотступно работают над тем, чтобы объединить этих диких всадников в регулярные эскадроны. В этом качестве они еще могут сослужить большую службу, так как из-за своей выносливости и неприхотливости они прекрасно подходят на роль легких соединений.

В благодарность за водку несколько киргизов оседлали своих маленьких лошадей употребляемыми у них казачьими седлами, несколько раз проскакали наперегонки, а потом воткнули в песок пику, в которую с такой точностью пускали с лошадей свои стрелы, что редко они пролетали мимо. Особенно ярко смотрелось, когда во время быстрой погони всадник разворачивался назад и выпускал стрелу в

догоняющего соперника. Луки их были величиной почти в человеческий рост, а стрелы – около трех локтей. Был уже почти вечер, когда мы попрощались и, так как господин Племянников боялся, что мы потеряем дорогу, один из киргизов, который был отдельно награжден хорошим табаком, а потом еще и водкой, проскакал с нами значительный отрезок пути.

В Степном мы провели еще два дня, а потом настало время возвращаться домой, чего я ожидал со страстью, хотя прощание с добрым Сидором Алексеичем вызвало у меня в сердце настоящую боль. Наверное, ему прощание также далось нелегко, ведь под грубым кафтаном билось тонко чувствующее сердце. Мы прощались навсегда: он собирался снова поступить на службу, так как одиночество стало его страшить. Наверное, позже, как и многие другие, он нашел свою могилу на Кавказе.

Отправление на родину

При нашем прибытии в Покровское нас ожидала радостная встреча, но в то же время майор Василий Абрамович (Wassili Abramowitsch) Племянников, зять моего покровителя, удивил меня, вручив письмо от банка «Таль и Компания» (Thal und Compagnie) из Санкт-Петербурга, в котором сообщалось, что в этом банке мне открыт кредит на 100 рублей серебром.⁴⁵ В то же время от меня требовали дать знать о себе, так как несмотря на многочисленные объявления в русских газетах мой след не могли найти до тех пор, пока наконец губернатор по прямому приказу министра полиции не был обязан выслать точный список всех находящихся в его губернии пленных⁴⁶, откуда и стало известно мое местонахождение. Все это было результатом неусыпных, неустанных стараний моего доброго отца, чья сердечная забота из-за неизвестности о судьбе сына заставила его испробовать все мыслимые средства и пути, пока благодаря своим многочисленным связям он не достиг цели. Я не замедлил написать⁴⁷ моим любимым родным, также как и господину Талю, чтобы развеять всякие сомнения в моем благополучии.

Прошло много недель, а я не получал никаких вестей из Санкт-Петербурга, пока однажды у майора Василия Абрамовича не появился унтер-офицер Оренбургского гарнизонного полка со строгим приказом немедленно отправить меня на прогонах (Progon) в сопровождении унтер-офицера в Саратов на Волге⁴⁸, откуда я вместе с моим братом Вильгельмом, премьер-лейтенантом гвардейских шевалежер-лансиеров, плененным около Гжатска (Gschatsk)⁴⁹, должен был начать путь к Нарве. Хотя мне доставляло бесконечную радость то, что после этого путешествия я стану на 1000 верст ближе к родине, смогу обнять брата и услышать из его уст вести с отчизны, я не мог ей полностью отдаться. Ведь с другой стороны были моя любовь и благодарность к прекрасным, добрым Племянниковым, которым я обязан своей жизнью, и боль, вызванная необходимостью разлуки, была слишком сильна.

День расставания с любимой мною семьей Племянниковых и с еще остававшимися товарищами по несчастью был для меня глубоко печальным, и в час прощания я был так охвачен тоской, что даже не заметил, насколько всеобъемлющей была забота Василия Ивановича о моем удобстве в дальней дороге. Когда из Покровского я прибыл в Бузулук, до которого меня сопровождала вся семья, то на дворе капитана-исправника Рохова (Capitan Ispravnik v. Rochoff)⁵⁰, у которого мы остановились, я обнаружил полностью снаряженную зеленую кибитку, снабженную всеми необходимыми походными принадлежностями, бельем, теплыми мехами и одеждой. Все это должно было стать моим; можно представить, какие чувства нахлынули на меня при этом новом доказательстве искреннего отеческого участия, и как еще более возросла при этом моя сердечная благодарность. От фрау Племянниковой я получил еще и рекомендательное письмо к ее тете в Самаре.

Много слез стоило мне прощание с моими незабвенными благодетелями. Сидящий на козлах унтер-офицер крикнул «stupai!», кибитка понеслась вперед, и маленький, затерявшийся в огромных равнинах, Бузулук скоро исчез с моих глаз.

¹ Обстоятельства пленения Рюппеля, действительно имеющие возможность предполагать его смерть, см.: Хомченко С.Н. Сражение при Валутиной горе в мемуарах вестфальского унтер-лейтенанта Рюппеля // 1812 год: война и мир. Материалы III Всероссийской научной конференции. Смоленск. 2012. С. 115-121.

² Станицы с созвучным названием между Мочинской и Борской не было. Самым значительным населенным

пунктом на этом участке дороги была Федоровка.

³ Действительно, между Алексеевском Симбирской губернии и Мочинской Оренбургской губернии – 32 версты, Мочинской и Федоровкой – 25, Федоровкой и Борской – 34,5 верст, что примерно соответствует одному дневному переходу.

⁴ Последней на главном тракте станицей перед Оренбургом была Черноречинская, находившаяся от него в 27 верстах.

⁵ Партия военнопленных под командованием капитан-лейтенанта Булыгина, в которой находился и Рюппель, к моменту прибытия в Оренбургскую губернию насчитывала 15 обер-офицеров и примерно 400 нижних чинов. Точной даты прихода партии в Оренбург не известно. Находившаяся в нескольких дневных переходах впереди партия пленных под руководством поручика Макарова прибыла в Оренбург 1/13 ноября 1812 года, поэтому примерное время прибытия сюда Рюппеля – первая декада ноября (ст. ст.) (Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 67, об. 129, об.).

⁶ По циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 29 августа/10 сентября 1812 г. для транспортировки военнопленных полагалась одна пароконная подвода на двух офицеров, в зимнее время заменявшаяся санями (Российский Государственный Исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 319. Л. 3; Бессонов В.А. Законодательная база и политика государства по отношению к военнопленным в России в 1812-1814 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М. 2005. С. 52).

⁷ Волконский Григорий Семенович (1742-1824), князь, генерал от кавалерии. В 1803-17 гг. – Оренбургский военный губернатор.

⁸ Оренбургская губерния была создана в 1744 году как часть казанской провинции Уфа. В 1782 году Уфа стала столицей губернии, которая с тех пор носила тоже название. В 1796 последняя опять стала Оренбургской, а в 1797 Оренбург снова получил статус губернского города (прим. издателя).

⁹ Солдаты внутренних гарнизонных батальонов, неспособные из-за возраста или увечий к активной воинской службе, но продолжавшие нести караульную службу, охранять остроги, сопровождать арестантов, первоначально обучать рекрутов и проч.

¹⁰ Мориц Август граф Бенёвский (1741-1786) в 1769 году как польский генерал-квартирмейстер был захвачен в плен русскими и в 1770 сослан на Камчатку. Сбежав оттуда, вел жизнь, очень насыщенную приключениями, в один из моментов которой в 1774 он основал колонию на Мадагаскаре и в 1776 даже был избран королем тамошних племен. Преследуемый французами, в 1785 он снова высадился на острове и в 1786 умер от последствий тяжелой раны, полученной от них (прим. издателя).

¹¹ Между Оренбургом и Бузулуком по тракту около 250 верст.

¹² Бузулукским городничим тогда был титулярный советник Петр Рейнздорп, так что речь идет о каком-то другом чиновнике.

¹³ Доминик Булевский (Bulewski), подпоручик польского 15-го линейного полка, взят в плен 5/17 августа под Смоленском, в полку считался погибшим.

¹⁴ Фридрих Шнупхазе (Schnuphase), унтер-лейтенант вестфальского 1-го гусарского полка, взят в плен 7/19 августа в сражении у Валутиной горы, в полку считался погибшим.

¹⁵ Жан Саразен (Sarazin), су-лейтенант французского 12-го полка линейной пехоты, ранен и взят в плен 7/19 августа при Валутиной горе.

¹⁶ Офицера с созвучной фамилией среди пленных офицеров в Оренбургской губернии не было. Возможно, речь идет о нижнем чине, либо это ошибка автора, так же неправильно назвавшего француза Саразена поляком.

¹⁷ Луи-Мишель Бутино (Boutinot), лейтенант-инженер-географ, ранен и взят в плен 31 июля/12 августа на Смоленской дороге.

¹⁸ Дюплесси (Duplessis), лейтенант французского 21-го полка линейной пехоты, ранен и взят в плен 7/19 августа в сражении при Валутиной горе. Среди умерших на территории Оренбургской губернии офицеров не назван, возможно скончался еще до приезда сюда.

¹⁹ Шарль Сен-Дени (Saint-Denis), су-лейтенант французского 3-го конно-егерского полка, ранен и взят в плен 2/14 августа в сражении при Красном.

²⁰ Винский Григорий Степанович (1752 - 1819) - переводчик, мемуарист, публицист. В 1770 году начал службу солдатом в Измайловском полку. В 1777 году оказался замешан в деле армейских офицеров о подделке документов и похищении казенных денег, лишен чинов и дворянства и сослан на поселение в Оренбургскую губернию. В 1806 году помилован, с 1808 проживал в Бузулуке.

²¹ Жорж Мэлтар (Mailhetard), су-лейтенант 9-го шеволежерского полка, ранен и взят в плен 4/16 августа во время фуражировки под Смоленском. Служивший в его эскадроне К. Циммерманн именно неумелым руководством командира объясняет свое пленение (Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Hannover. 1863. S. 33).

²² Циммерманн также упоминает о заболевании Малтара, которого неправильно называет Малетаром (Mailhetar) (прим. издателя).

²³ Племянники – потомственные дворяне, в 1789 г. внесены в 6 часть Дворянской родословной книги по определению Уфимского дворянского собрания (Государственный архив Самарской области. Ф. 430. Оп. 1. Д. 396. Л. 45 об.) и в 6 часть Дворянской родословной книги по определению Оренбургского дворянского

собрания. Состояли на воинской службе. Бузулукские землевладельцы. Были в родстве с Карамзиными и Стобеусами. Владели селом Племянниково (совр. Покровка Бузулукского района Оренбургской области), расположенном в 20 км к северу от Бузулука. Частично сохранилось здание деревянной церкви. Дворянская усадьба не сохранилась.

²⁴ Одноименное село, в котором находится это поместье, также называют Племянниково (Plemjänikowa) (прим. издателя).

²⁵ Якоб Габриэль фон Штобойс (Jakob Gabriel v. Stobäus) - урожденный пруссак, был возведен в дворянское звание, женился на вдове помещика. Жил в поместье Александровске (Alexandrowsk) у Бузулука, что послужило для Циммерманна поводом для неправильного упоминания о том, что «в соседнем селе, Александрове (Alexandrow), его дочери находились в пансионе, содержащемся французским эмигрантом». Старания Штобойса спасли Циммерманна и других тяжелобольных пленных от смерти (прим. издателя).

Яков Мартынович Стобеус (ок. 1763 - 1825). В русском подданстве с 1775 г., с 1789 – штаб-лекарь. В 1791 г. переехал в Бузулук. С 1797 – уездный врач и коллежский ассессор, с 1816 – надворный советник. Женился на вдове капитана Иглина Олимпиаде Ивановне, имевшей от первого брака дочерей Александру и Елизавету. Трое сыновей. Владел 15 душами крестьян мужского пола и 5000 десятинами земли в д. Родник (Иртек) Бузулукского уезда (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 6960. Л. 7-8).

²⁶ Холодный рыбный суп с огурцами и капустой (прим. издателя).

²⁷ Жан Арнфо (Arnefaut), су-лейтенант французского 21-го полка линейной пехоты, ранен и взят в плен 7/19 августа в сражении при Валутиной горе.

²⁸ Пьер Брессонгэ (Bressongay), капитан французского 21-го полка линейной пехоты, ранен и взят в плен 7/19 августа в сражении при Валутиной горе.

²⁹ Констан (Constant), капитан французского 21-го полка линейной пехоты, ранен 7/19 августа при Валутиной горе, 26 августа/7 сентября в Бородинском сражении, 19/31 октября на дороге под Вязьмой. Точно не был убит в сражении при Валутиной горе. Примечательно, что будучи еще лейтенантом, Констан был дважды ранен в 1809 во время Австрийской кампании в сражениях при Ратисбоне и Ваграме.

³⁰ Сезар Шарль Этьен Гюден де ла Саблоньер (Gudin de la Sablonnière) (1768-1812), граф, дивизионный генерал. Смертельно ранен в сражении при Валутиной горе, скончался через три дня в Смоленске.

³¹ Николай Михайлович Карамзин (Nikolai Michailowitsch Karamsin) (1766-1826), беллетрист и историк. В 1803 назначен императорским историографом (прим. издателя).

Н.М. Карамзин весной 1813 г. находился в Нижнем Новгороде, где у него в это время умирал сын. Лишь в мае он совершил поездку в Симбирск. Так что скорее всего Рюппель встречался с его братьями Василием и Федором Михайловичами, которые совместно владели с. Преображенкой (Н.М. Карамзин. Письма к братьям. 1786-1826. Ульяновск. 2013. С. 155).

³² Андрей Гаврилович Жданов (Andrei Gawrilowitsch Ghdanoff) был братом жены Племянникова; обычно он жил в своем имении Жданове (Ghdanowa), в 25 верстах от Покровского. Циммерманн, который ошибочно называет его Иван Гаврилыч Штаннов, говорит, что у него было 7 деревень и около 10000 крепостных (прим. издателя).

Ждановы - потомственные дворяне. В 1789 году внесены в 6 часть Дворянской родословной книги по определению Оренбургского дворянского собрания (ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 2042. Л. 25). Приобрели земли у дворянина Ляхова, основали село Троицкое (Жданово), которое располагается в 40 км к северу от современного Бузулука. Поместье Ждановых находилось в 2 км от села, в чистом поле. Там били родники, один из которых существует до сих пор.

³³ Между Бузулуком и Бугульмой по тракту более 200 верст, между границами Бузулукского и Бугульминского уездов по тракту – около 100 верст.

³⁴ Ширванский пехотный полк, еще в бытность мушкетерским, был выведен из Омской крепости в 1808 году.

³⁵ По циркулярному предписанию Главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова от 22 октября/3 ноября 1812 г. было приказано отделять военнопленных поляков от других пленных и отправлять для службы на Кавказскую линию в Георгиевск. В циркуляре от 14/26 января 1813 г. речь шла об отправке поляков на укомплектование полков на Кавказской и Сибирской линиях, а 11/23 апреля было прямо предписано польских пленных из Оренбургской губернии отправить в Ишим Тобольской губернии (Бессонов. Указ. соч. С. 57, 61-62). Скорее всего именно об этом последнем распоряжении и упоминает Рюппель.

³⁶ Леон Шолдорский (Szoldorski), капитан польского 15-го линейного полка, взят в плен 5/17 августа под Смоленском.

³⁷ Ян Хубе (Hube), подпоручик польского 2-го линейного полка, тяжело ранен и взят в плен под Смоленском.

³⁸ Станислав Шептицкий (Szeptyski), подпоручик польского 3-го линейного полка, взят в плен под Смоленском.

³⁹ На 26 февраля 1813 г. в Оренбургской губернии числилось 450 пленников солдат польской нации (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 230-231). Скорее всего, Рюппель говорит о польских солдатах, находящихся в Бузулукском уезде.

⁴⁰ Ни в одном из предписаний центральных органов власти, касающихся пленников, не шла речь о «колонизации азиатских губерний». Имеется в виду уже упоминавшийся циркуляр от 14/26 января 1813 г., в котором, среди

прочего, предлагалось пленным-земледельцам поселиться между немецкими колонистами Саратовской и Екатеринославской губерний (Бессонов. Указ. соч. С. 61).

⁴¹ 1 Десятина = 1,09252 га (прим. издателя).

⁴² Емельян Иванович Пугачев (Iemeljan Iwanoff Pugatscheff) (1726-1775) выдавал себя за умершего императора Петра III, используя свое внешнее сходство с ним, и хотел с помощью казачьего восстания «вернуть себе империю» (прим. издателя).

⁴³ На север от Крымского полуострова (прим. издателя).

⁴⁴ Ширванский полк никогда не был гренадерским. Возможно, имея в виду и указанный рост, Граченко служил в гренадерской роте Ширванского мушкетерского полка, как он назывался до 1811 года.

⁴⁵ Многие пленные офицеры пользовались кредитными услугами иностранных банкиров Санкт-Петербурга.

⁴⁶ Речь идет о циркулярах Вязмитинова от 4/16 и 16/28 января 1813 г., в которых губернаторы обязывались подготовить ведомости о числе пленных и именные списки генералам, штаб- и обер-офицерам (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 239, 445-447; Бессонов. Указ. соч. С. 64).

⁴⁷ В уже упомянутом циркуляре от 29 августа/10 сентября 1812 г. переписка военнопленных была запрещена. Лишь в предписании Министерства Полиции по секретной части от 8/20 апреля 1813 г. она разрешалась, но с предварительным доставлением получаемой и отправляемой корреспонденции в открытом виде в Министерство (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 2. Л. 163, 165, 167; Бессонов. Законодательная база... С. 66).

⁴⁸ Предписание Вязмитинова Оренбургскому гражданскому губернатору М.А. Наврозову от 13/25 мая 1813 года об отправлении Рюппеля в Саратов поступило в Уфу 2/14 июня. Однако у Наврозова возникли какие-то вопросы, с которыми он обратился в Санкт-Петербург 11/23 июня. В ответ, распоряжением от 8/20 июля, было вторично подтверждено «военнопленного поручика Рюппеля отправить с нарочным в Саратов». Это распоряжение поступило в Уфу 27 июля/8 августа. Очевидно, через несколько дней об этом было сообщено и самому Рюппелю (Центральный Государственный Исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-б. Оп. 1. Д. 17. Л. 414, 475). Учитывая, что прочие военнопленные вестфальцы, как подданные Рейнского союза, были освобождены лишь распоряжением от 28 ноября/10 декабря 1813 года (Бессонов. Указ. соч. С. 69), видно, что Эдуард Рюппель, как и его брат, получили свободу по протекции какого-то высокопоставленного лица. Многочисленные связи отца подтверждает и сам мемуарист.

⁴⁹ Его пленение произошло незадолго до Бородинской битвы (7 сентября), но несомненно не в бою, а скорее всего во время фуражировки. Так как у Гжатска бился только авангард армии под начальством Мюрата (31 августа и 4 сентября), в то время как вестфальцы, составлявшие арьергард, только 3 сентября были подтянуты Наполеоном к Гжатску и 4 сентября вошли в него без боя (прим. издателя).

⁵⁰ Бузулукский капитан-исправник Рогов.